

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ОБУЧАЮЩИЕ ФАКТОРЫ В РАЗВИТИИ ОДАРЕННОСТИ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Для современной педагогики и детской психологии давно перестало быть секретом, что ребенок до своего рождения, еще в утробном развитии, получает задатки будущих способностей к обучению и даже специализированным видам профессиональной деятельности. Имеются разрозненные сведения, что дети у мамы-музыканта во время обучения музыке быстрее осваивают те произведения, которые их мама разучивала и исполняла во время беременности. Заметны династии художников, сравнительно легко и быстро осваивающие колористические, графические и объемные принципы рисунка, - по сравнению со своими сверстниками, родители которых не имеют художественных навыков. Не будем говорить о многопоколенном приобщении к ряду жанров циркового искусства в атмосфере манежа с малолетнего возраста. Неоспоримы факты, что способности к счетно-математической карьере замечают у ребенка в первую очередь родители-математики или математически образованные его дедушки и бабушки. Последующее раннее приобщение к математике, музыке, шахматам и цирковому искусству обеспечивает раннюю профилизацию обучения и тем самым способствует, с одной стороны, более быстрому и успешному выполнению стандартных заданий; с другой стороны, стимулирует педагогов начальной, высшей и средней школы к тому, чтобы предлагать более подготовленному питомцу более сложные задания (по сравнению со сверстниками) и тем самым развивать ранее освоенные навыки и способы интеллектуально-художественной деятельности.

Психофизиологическая основа способностей и одаренности проявляется, в первую очередь, в скорости решения стандартных задач, т.е. задач с устойчивым набором немногих составляющих элементов. Некоторые дети и подростки, а также взрослые, решают, как известно, их с большей скоростью, чем основная масса испытуемых. По-видимому, это связано с особенностями протекания нейронных процессов, с устойчивостью реакций на предложенный набор компонентов, обеспечивающих сосредоточенность внимания на решении данной конкретной задачи. То есть скорость процесса дополняется сконцентрированностью на нем и, соответственно, соотношением динамики возбуждения и торможения, обеспечивающей максимально быстрое выполнение поставленной задачи.

После нескольких повторений шаблонные задачи такого рода выполняются в автоматическом режиме, подобно, скажем, сборке автомата с

закрытыми глазами солдатом-старослужащим. Правда, достаточно появиться «лишнему» элементу, как выполняющий привычную задачу может впасть в ступор, в состояние паралича своих способностей. Включая даже витальные. В советской литературе опубликованы воспоминания участников полярной экспедиции И.Д. Папанина на Северный полюс. Ее начальник, именем которого она и названа «папанинской», выполнял функции общего руководства деятельностью своих трех подчиненных, имея огромный опыт жизни в экстремальных условиях (участие в красном партизанском движении в Крыму, работа в ЧК, многочисленные северные экспедиции, где требовалось принимать неординарные решения в неожиданно возникающих и опасных ситуациях). Помимо этих задач, И.Д. Папанин выполнял обязанности кока, балуя своих товарищей вкусной пищей, включавшей и традиции греческой кухни. Определенное время занимало у него активное участие в жизни полярной партийной ячейки: получение по радио инструкций материковых партийных органов, формулирование ответных обязательств на них, участие в партийных собраниях трех членов ячейки (радист Э.Т. Кренкель был беспартийным, но именно он принимал по радио партийные документы и, соответственно, отправляла континент решения, принятые партийной тройцей полярников). Оставшееся свободным время И.Д. Папанин, как рассказывают его товарищи, употреблял на регулярную разборку, чистку и сборку своего личного оружия - многозарядного маузера. За восемь месяцев экспедиции он довел это занятие до недостижимого совершенства – мог собрать и разобрать оружие с закрытыми глазами, вычистить его левой рукой, мгновенно собрать и зарядить.

Когда же экспедиция была снята с расколовшейся льдины советским ледоколом «Леонид Красин», Папанин при сборке оружия обнаружил на столе лишнюю деталь. Ей не находилось места в собранном револьвере. Он разобрал его и повторил привычную операцию. Деталь осталась невостребованной. Спустя несколько часов человек с железными нервами, отличавшийся несомненным мужеством и презрением к опасности, являл картину жалкого неврастеника. По свидетельству соседей, он бился головой о стенку каюты и скоро дошел до состояния полной прострации. Кренкель сжалился, наконец, над своим начальником и показал, что лишняя деталь оружия взята из его револьвера. Можно представить реакцию героя – покорителя полюса...

В этой, казалось бы, житейской ситуации проявилась наблюдательность радиста, обдумавшего мелкую месть. Нельзя сказать, что совсем незаслуженную: во время проведения «закрытых» партийных собраний ячейки беспартийного Кренкеля посылали неоднократно на мороз, чтобы избежать нарушения канонической партийной дисциплины (по законам партии на «закрытых» партсобраниях не могли находиться люди, не состоящие в ее рядах).

Таким образом, при выполнении шаблонных операций успех в значительной мере зависит от способности исполнителя не отвлекаться на посторонние по отношению к этим операциям феномены, не принимать их во

внимание. Так работают жонглеры, воздушные акробаты и множество других специалистов, следующих неукоснительно шаблонам.

Известны случаи, когда рабское исполнение предписаний чревато катастрофами. И наоборот, нарушение инструкции оказывается путем к спасению. Так, при наборе высоты самолетом с четырьмя двигателями перед пилотом загорелось табло: «Пожар в крайнем левом двигателе», и летчик, следуя инструкции, двигатель выключил. Но появились сигналы о том, что горит крайний правый двигатель и второй двигатель слева. Летчик выключил и их. Самолет свалился в штопор, экипаж погиб. При расследовании катастрофы выяснилось, что сигналы о пожарах были ложными – происходили сбои в электронике. В любом случае, пилоту следовало бы оставить работающими два двигателя, продолжить набор высоты и, заняв минимальный по высоте воздушный эшелон, принимать решение. Напротив, другой пилот, разгоняя пассажирский лайнер на взлетной полосе, услышал в хвосте грохот и, хотя инструкция требовала продолжить разбег и взлетать, прекратил движение и сумел остановить машину до того, как она вышла за пределы аэродрома. При осмотре выяснилось, что во время разбега отломилась часть руля высоты, и попытка взлета однозначно закончилась бы катастрофой.

Приведенные примеры говорят, что готовность нарушить инструкцию в чрезвычайных обстоятельствах может оказаться оптимальным путем поведения в нестандартной ситуации.

Более сложной задачей является готовность личности расширять поле своего внимания и, соответственно, сочетать в своих решениях операции, принадлежащие к набору разных алгоритмов. Любая действительно творческая задача включает в себя как эту операцию, так и создание моделей решения, отсутствующих в «наборах», уже заготовленных человечеством. На этом пути взявшегося за решение задачи ждет, как правило, множество неудач. Но перебор их возможностей периодически выводит на уровень, где перестают действовать ранее освоенные прописи и шаблоны. Понятно, что выявленный новый принцип решения скоро «обрастет» своими схемами и инструкциями, обеспечивающими его оптимальное результативное применение. Другое дело, что последние могут оказаться в непримиримом противоречии с теми, что успешно действовали на предыдущем этапе.

На всех этапах тестом, позволяющим отличать чрезвычайно одаренных от средне и мало одаренных, является соотношение в использовании общепринятых (т.е. стандартных и наиболее распространенных для данной группы обучаемых) приемов и успешных подходов и способов, представляющих собой самостоятельную рекомбинацию освоенной информации, приемов и навыков интеллектуально-художественной деятельности. Затем происходит возрастание степени свободы в использовании этих индивидуальных открытий и превращение их в стандарты ориентаций и решения задачи подавляющим большинством членов обучаемой группы, т.е. их трансляция в качестве некоего, ставшего традиционным, варианта конкретной деятельности.

Из сказанного следует, что проявление способности всегда конкретно. Оно заметно на фоне взаимодействия учеников и учителя в данных конкретных социокультурных и психологических условиях и обстоятельствах.

Способность одаренности в наше время не проявляется, как правило, по всем «азимутам». Ребенок может быть исключительно одаренным в освоении музыки и равнодушным к математике. Равнодушие же означает нереализованность возможных первоначальных задатков к той же математической деятельности. И, соответственно, их трансформацию со временем в какое-то особое психологическое проявление. Например, может сопровождаться переживанием чувства страха, когда предлагается математическая задача, надсадной скуки («опять считать и считать») и элементарного непонимания. Наблюдения педагогов за развитием юного Пушкина во время обучения его в Царскосельском лицее с 1811 по 1817 гг. зафиксировали выдающиеся способности к стихосложению (в том числе, и на французском языке), к фехтованию и верховой езде. Все другие предметы, за исключением обществоведческого – говоря по-современному – курса профессора А.П. Кунницына, осваивались будущим гением русской поэзии неохотно и, как следствие, посредственно. Он не уделял им сколько-нибудь устойчивого и последовательного внимания. Может быть, за исключением романтически воспринимавшихся перипетий русской и французской истории и событий Отечественной войны 1812 года.

Определенной опасностью является гиперкритичность. Постоянное проявление ее гасит инициативу личности, лишает ее оптимистического отношения и вызывает подавленность сознанием непомерности и исключительной сложности тех задач, к которым она приступает и которые пытается разрешить.

Гиперкритичность может быть перенесена на достижения как соперников, так и соразработчиков. В этих случаях наблюдается недооценка значения и перспективной содержательности получаемых результатов и, как следствие, запаздывает осознание информации о действительном состоянии решаемой проблемы. В крайних случаях гиперкритичность переходит в нигилистическое отрицание способностей и возможностей творческой деятельности и сопровождается преувеличением основательности собственной позиции недостаточно активной деятельности. Достаточно часто сама деятельность приобретает инерционный характер; тогда она имитирует творческое горение и интерес, которые лишаются своего сущностного содержания.

Творческая деятельность отличается, как известно, неоднозначными по содержанию и по времени этапами зарождения интереса к проблеме, накопления информационного материала, относящегося как к достигнутому уровню ее разработки, так и к поискам дальнейших направлений обсуждения и интерпретации нерешенных вопросов. Многие психологи отмечают появление особого состояния «доминантной озабоченности», - когда человек, решающий проблему, не в состоянии от нее «оторваться»; может думать и говорить только о ней. При этом кажущееся однообразие хода мыслей и их вербального

выражения сопровождается динамичной, а подчас и драматической сменой эмоциональных акцентов в ее восприятии, значимости собственного вклада в ее разработку и роли конкурентов-единомышленников в раскрытии ее наиболее существенных значений.

Далеко не всегда такое эмоциональное сопровождение является корректным и справедливым в отношении собственной роли и роли других соучастников творческого обсуждения того же самого или близких к ним вопросов. Не случайно сказано: «У поэтов есть такой обычай: / Вкруг сойдясь, оплевывать друг друга...»

История литературы, искусства, науки и политики полна примерами оценочных перекосов и эмоциональных взрывов, оказавшихся «холостыми» на фоне достигнутых результатов. Творческая личность имеет один путь – страстно субъективного переживания захватившего ее интереса и стремление реализовать его исчерпывающим оптимально содержательным путем. Поэтому состояние предельных интеллектуально-эмоциональных напряжений является для творца скорее нормой, чем исключением.

Какая-то часть представителей творческой элиты в состоянии осознать риск подобных ситуаций для психического равновесия. А в определенных случаях – и физического здоровья. Люди этой группы, как правило, чередуют творческую работу с релаксацией. Как известно, в релаксации бывают здоровые пути, связанные с полноценными психологическими переключениями: искусство, любительский спорт, отдых на природе, разнообразные формы туризма (включая и его культурно-исторические разновидности – музеи, выставки, исторические мета и др.). Другая часть творческих личностей прибегает к так называемым «нейтральным» видам релаксации, включающим азарт (активная позиция «болельщика» за любимую команду, карточные игры, любимые телепередачи – нередко с ничтожным содержанием и т.д.). Вместе с тем, в среде творческих работников, особенно представителей искусства, распространены и нездоровые способы релаксации (сексуальный спорт и туризм, алкоголь, наркотики). Понятно, что последние создают многочисленные ситуации рисков, ведущие к тяжелым психофизиологическим последствиям. В научной среде склонность к подобной релаксации свидетельствует обычно о низкой самооценке личности, затянувшемся духовном кризисе, выход из которого часто непредсказуем.

Встречается и своеобразная форма переключения, когда крупный ученый собственными руками строит загородный дом, усовершенствует его, приостанавливая на это время внешние проявления «профессиональной» творческой деятельности. Известны способы отдыха у Черчилля (живопись и выкладывание кирпичных стенок); скрипичные упражнения А. Эйнштейна; увлеченность музыкой и театральным искусством Б.Ю. Харитона и др.

В значительной степени организация релаксации связана с непрофессиональным межличностным общением. А иногда даже и с сознательным отключением себя от контактов с «братьями по цеху». В то же время биографии Б. Спинозы, И. Ньютона, И.-С. Баха, Ч. Дарвина дают представление о том, как параллельная работа над несколькими научными и

художественными сюжетами создавала атмосферу «релаксации» при переходах от одного сюжета к другому. В данном случае, по-видимому, происходило эмоциональное обновление настройки на работу - при смене содержания проблематики, фактического материала и т.д.

Аналогичный пример в течение более чем тридцати лет дает творческая лаборатория А.И. Солженицына. Как в США, в штате Вермонт, так и в Москве после возвращения из эмиграции писатель имел обыкновение размещать на нескольких столах материалы своих очередных произведений. В течение рабочего дня, переходя от одного стола к другому, он писал, дополнял и исправлял написанное после машинописной перепечатки или набора на компьютере. Его целеустремленность в творчестве поражает исключительной сосредоточенностью, последовательностью и требовательностью к максимально выразительным и точно сформулированным мыслям, в своей совокупности создающих целостные картины исторических событий. Впечатляет также объем привлекаемого писателем разнообразного информационного материала: труды историков и политиков, устные и письменные воспоминания очевидцев событий, газетные сообщения, содержащие красноречивые, подчас уникальные детали, символизирующие суштинное содержание осмысливаемых исторических событий.

Подобно названным выше ученым и композиторам, А.И. Солженицын черпал духовное равновесие в последовательном осуществлении своего долга перед культурой, историей, поколениями тех, кому не дано было открыто высказать исчерпывающие оценки исторических трагедий, пережитых Россией за минувшее столетие. Религиозное служение творчеством было, на наш взгляд, тем духовным стержнем, который определил внутреннюю связь этапов его жизненного пути. От первых опытов литературной работы в предвоенные годы и книжных выписок – к поэтическому творчеству в тюрьмах и последующему опыту прозаика в среднеазиатской ссылке, в забытом Богом селении Центральной России, в Рязани, Москве, за границей и в Троице-Лыково.

Целостность творческой сосредоточенности отличает этого писателя от множества его собратьев по перу, включая и Л.Н. Толстого, служившего в какой-то мере ему образцом для подражания. Его опубликованные сочинения лишены каких-либо явных свидетельств внутренних метаний, радикальных пересмотров ранее занимаемых позиций, самооправданий и упреков самого себя за ложные шаги в ходе творческого пути. Этим Солженицын разительно отличается от своего великого современника А.Д. Сахарова. И, может быть, сравним с Достоевским в своем последовательном служении гуманистическим идеалам и принципам. Правда, такую оценку его творчеству возможно дать лишь при условии абстрагирования о различных политико-идеологических комбинаций и интерпретаций его тем, образов и суждений. Как известно, писатель и мыслитель не несут ответственности за то, как будут использованы их произведения современниками и потомками в тех или иных прагматических целях политической, литературно-художественной и идеологической борьбы. Разумеется, подобное абстрагирование предполагает

готовность читателя и критика объективно оценивать то, что содержит книга и то, что хотят в ней увидеть, исходя из собственных социальных и экзистенциальных контекстов.

Все педагогические методики отмечают в становлении способностей человека переживание успеха. Причем успеха публичного, в очной либо заочной формах. К проявлениям успеха относится факт признания несомненности достижения ученика – учителем, лидерование в группе с заметным отрывом от нее по конкретному показателю, скорость и правильность решения математизированной задачи, точный и исчерпывающий ответ на поставленный вопрос либо перспективная постановка проблемы, выполнение элементов художественного образа более отработано и завершено по сравнению с другими участниками группы и т.д. Как правило, для поэта и начинающего писателя переживается как успех публикация первой книги и ее одобрение авторитетной для него референтной группы. И наоборот, отрицательная оценка заставляет начинающего творца прекращать свои опыты. А иногда – существенно менять направление последующих художественных исканий. Например, юный Николай Гоголь, опубликовав свою поэму в стихах «Ганс Кюхельgarten» и встретив иронические критические оценки ее качества, последующее десятилетие выкупал разошедшиеся экземпляры и методично уничтожал их. Как известно, он публиковал в дальнейшем только прозу, в которой периодически проявлялось и его поэтическое видение мира. Достаточно вспомнить пропетую им славу духу товарищества в «Тарасе Бульбе» и тему «Птицы-Тройки» в «Мертвых душах». Юный Пастернак консультировался с А. Скрябиным, стоит ли ему заниматься композиторской деятельностью. Прослушав его игру на рояле, Скрябин отметил ее недостатки и посоветовал Б. Пастернаку отказаться от намерения посвятить себя сочинению музыки и сосредоточиться на поэзии, в которой уловил своеобразные ритмы и самостоятельный образный строй. Слава пришла, как известно, к Пастернаку-поэту. Продолжает однако оставаться открытым вопрос, какую роль в формировании его способности к созданию поэтических образов сыграли способности отца – выдающегося художника и блестящего книжного иллюстратора и матери, концертировавшей пианистки.

Сложно ответить на вопрос, как сказывались на его поэтическом творчестве занятия философией и музыкой, дружба и общение с выдающимися русскими музыкантами первой половины 20 века – М.В. Юдиной и Г.Г. Нейгаузом, их подчас нелицеприятные оценки его стихов и прозы этими выдающимися людьми искусства.

Следует помнить, что одно из коварных последствий первого или первых успехов – «звездная болезнь», протекающая в различных формах: самоуверенность, глухота к критике, неумеренный гедонизм и связанные с этим аутичные формы поведения. История культуры полна примерами несомненно способных авторов одного стихотворения, одной книги, одного концерта, одной театральной премьеры и т.д. Успех кружит голову, особенно молодым и незрелым. И часто нарушает правильные пропорции между

принятием похвалы и признанием справедливости критики. Последняя составляет необходимый элемент творческой жизни, являясь по существу тем зеркалом, в котором достигнутый успех предстает в контексте сложных хитросплетений состояния науки, искусства и культуры, как в конкретный отрезок времени, так и в соотношении их ретроспективных проявлений и намечающихся перспектив. Уловить и признать справедливость критики на фоне несомненного успеха может, как правило, человек, приученный с детства воспринимать каждый свой шаг в рамках жестких и вместе с тем обоснованных требований его соразмерности достижениям предшественников и современников в сфере деятельности данной творческой личности. Понятно, что оценка «по гамбургскому счету» оказывается обычно не слишком высокой. Но – достаточной, чтобы отнести собственное достижение к числу уместных и сопоставимых с конкретными достижениями соперников – современников и их предшественников.

Этап самоконтроля позволяет личности не почитать на лаврах. В то же время именно он предохраняет от эпигонства, «изобретения велосипедов», сосредоточенности на второстепенных (а подчас и третьестепенных) деталях. Однако эшелонированный самоконтроль предполагает мобилизационную готовность к пополнению информации по специальным разделам деятельности и, разумеется, развитие самостоятельных навыков творческого решения сложных вопросов научной и художественной практики.

По всей видимости, воспитание самокритичности уходит корнями в начальные этапы формирования личности, а сама самокритичность является необходимым звеном гармоничного и поступательного развития способностей личности, проявляющих себя по мере усложнения ею деятельности, - как на основании собственного выбора, так и в силу объективного состояния того участка практики (в широком смысле этого понятия), который она возделывает.

Социальные и экзистенциальные контексты играют немалую роль в эволюции самосознания и трансформациях внутреннего мира творческой личности. Как правило, она нуждается во внешнем признании, проявляющемся в разнообразных формах: от материального вознаграждения до признания высокозначимой референтной группой. Более того, обратная связь творца с социальными и экзистенциальными контекстами часто служит основанием для существенных корректировок как основного направления творческой деятельности, так и содержания составляющих ее компонентов. В этом смысле известное положение В.И. Ленина «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» остается предельно широкой аксиомой, с которой рано или поздно придется столкнуться в тех или других ее феноменальных проявлениях.

Творческие люди, осознавая в себе дар творить, начинают с определенного времени высоко ценить его и не наступать на одни и те же грабли; не создавать по собственной воле искусственных препятствий реализации своих творческих возможностей. В этом отношении поучителен этап творческой деятельности А.С. Пушкина до его ссылки в село

Михайловское. Как известно, выйдя из Лицея, Александр Сергеевич воспользовался открывшейся ему (восемнадцатилетнему юноше) полной свободой. Наряду с ней чрезвычайно быстро обнаруживались бесчисленные негативные последствия ее возможностей. Пирушки и дуэли, ссоры и примирения, обличительные эпиграммы, антиправительственные и богоборческие стихи через три года привели царское правительство к решению выслать поэта из столицы. «Пушкин наводнил Россия возмутительными стихами», - говорил о поэте царь Александр I, - «его надобно сослать в Сибирь». Друзьям поэта удалось заменить Сибирь вначале на Бессарабию, а затем на Одессу. Но испытания свободой продолжались. И через четыре года закончились отправкой в Псковскую губернию, в имение матери, - под надзор полиции. При этом поэта уволили с государственной службы и тем самым лишили государственного жалования.

Изоляция от привычной светской среды повлекла за собой тяжелейший духовный кризис и попытки вернуться в нее. Однако друзья поэта, сознавая, что он вернется на круги своя, и это может повлечь за собой психологическую и социальную катастрофу, упорно уговаривали его найти утешение в литературном творчестве и реализовать в нем свой уникальный личностный потенциал. Помимо стихов, ставших классическими, Пушкин написал в Псковской ссылке трагедию «Борис Годунов», ознаменовавшую новый этап его личностного роста. Поэт сумел предложить целостное образное видение одного из трагических узлов российской истории.

Последующее общение с царем Николаем I, впечатленного прямоотой ответа поэта на вопрос, где бы он был, окажись в Петербурге во время восстания декабристов, сняло внешнее стеснение. И, безусловно, дало поэту надежду на адекватную реакцию высшей власти на результаты его творчества. Он продолжал оставаться верен себе в готовности рисковать и платить за риски высокую цену. Но при этом уделял все большее время сосредоточенному литературному труду.

Биография Пушкина демонстрирует исключительную ранимость души творческого человека. Его заботу о сохранении достоинства своей личности, заботу о чести имени, - своем и своей семьи. Установка на утверждение уважения к себе (сохранение чести, если употреблять понятие русского дворянства 19 века) создавала определенную дистанцию, охранявшую внутренний мир поэта от всевозможных покушений на него. Эти покушения питались разными мотивами. Ревностью и ненавистью, завистью и подлостью, сознанием ничтожества на фоне потенциала великого человека. Имели место также душевная глухота, равнодушие, разнообразные проявления элементарного эгоизма окружающих его людей. Письма и дневниковые записи поэта последних двух лет его жизни свидетельствуют о том, как напряженно боролся он за право сохранять душевный покой – неперемное условие плодотворной литературной работы. И обратно. Как окружавшая его среда (за редким исключением) не принимала во внимание это базовое стремление поэта.

Уроки жизни Пушкина поучительны его «выговоренностью» на бумаге и в общении с людьми его круга. Благодаря трудам нескольких поколений пушкинистов, жизнь Пушкина расписана по дням; а в некоторые периоды – и по часам. Это позволяет с высокой степенью достоверности смоделировать смену его душевных состояний и понять их причины. Ощущение состоявшихся съемок скрытой камерой (лет за несколько лет до изобретения дагерротипа в 1840 г.) дает возможность исследователям творческой психологии прочувствовать реперные точки и ахиллесовы пяты сложного внутреннего мира поэта; увидеть, как петля внешних принуждений все сильнее затягивается, лишая поэта свободно распоряжаться своими силами и своим временем. Именно эта петля и толкала его на отчаянные поступки в последний год жизни.

Уроки жизни Пушкина являются ракурсами восприятия внутренних состояний других людей творчества. И не только литературного. Чтобы ослабить для них затягивающиеся петли несвободы, недостаточно открытого счета в банке и золотых клеток комфортного времяпрепровождения. Бережное отношение к легкоранимой душе, понимание непостижимой сложности внутреннего мира гения во всей его противоречивости предполагают от его окружения элементарную тактичность, добросердечие, честность намерений и прямооту поступков. Можно сказать, что подобный набор требований приличествует раю. Но не забудем о категорическом императиве, сформулированном И. Кантом за два десятилетия до рождения Пушкина. Планка кантовских требований к моральности человека исключительно высока. И во многих случаях недостижима. Но существование ее и готовность относиться к творческой личности по лекалам категорического императива остается одним из направлений работы над атмосферой, в которой творцам легче дышать, а значит, и легче работать.

Они способны работать в самых разнообразных, в том числе, и в нечеловеческих, условиях. Обстоятельства, при которых Т. Кампанелла обдумывал свой «Город Солнца», а шлиссельбуржец Н.А. Морозов – идею взаимопревращения элементов, - невозможно считать комфортными. Но предупредительность окружения к одаренной личности, готовность помогать ей, а не «забивать» ее до среднего уровня давлением шаблонов и стандартов, административно-полицейских ограничений и т.д., - помогут пробиться росткам способностей и таланов тех, у кого еще не сложилось (как в тюрьме у Солженицына) всепокрушающее упорство сопротивления внешним препятствиям. Навыки определенной тактической хитрости и умений долгосрочной изворотливости, т.е. качеств выживания во враждебной среде.

Не лучше ли заботиться о том, чтобы среда относилась к одаренным и талантливым с благосклонностью и готовностью к поддержке?

Prof. dr V.S. Glagolev
Philosophy Department
MGIMO-University (Moscow, Russia)

SOCIO-CULTURAL AND EDUCATIONAL FACTORS IN THE DEVELOPMENT OF GIFTED STUDENTS AND STUDENTS

In the article the problem of overcoming the current discrediting of universities and the faculty universities, competitors and the media. Notes the need to restore confidence in the presumption of curriculum, content, faculty lectures, tolerant attitude to the spectrum of opinions and attitudes expressed by students in seminars at various levels of training, axiological orientation and performance. Emphasizes the need for problematization discuss key issues of common cultural and special training students to meet future professional responsibilities, serial dating pets universities with controversial and even sensational situations arising in the relevant disciplines. however, the risk is allocated to student orientation parascientific and unreasonable phenomena discussed in the scientific and pseudo-scientific discussions. Taste of attention to the education of the volume is laid at the future of students in the school years. Therefore, school programs should include a systematic discussion of topical issues of higher education and academic research with a focus on gifted children.

Key words. Social factor endowments, the presumption of trust in the university and the faculty, classroom work, extracurricular development of training standards, the solution of creative tasks.

